

Никитин Л. В.

МК 18.12.06

«МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» 18 декабря 2006 г.

Юрий Никулин

ЮБИЛЕЙ

10 стр.

Максим: «Я был обделен его любовью»

— Максим, жить с человеком, постоянно находящимся под пристальным вниманием общественности, нелегко, особенно детям. Вы ощущали это на собственном примере?

М.Н.: С одной стороны, я рос обычным ребенком: ходил в школу, встречался с друзьями, с другой же — я всегда чувствовал на себе взгляды окружающих. Я знал, что любая моя оплошность могла выйти отцу боком. Постоянный самоконтроль: не дай бог сделать что-то не так. Ужасно угнетающее ощущение. Я был, кстати, не одинок. Со мной в школе учился мальчик, у которого была схожая ситуация: его отец был известным полярником. Мы оба плохо учились, нас постоянно вызывали к завучу, то и дело учителя грозились, что нажалуются на нас папам. Наверное, поэтому между нами всегда была какая-то мрачная солидарность: мы понимали весь груз ответственности, но поделаться с этим грузом ничего не могли.

— Татьяна Николаевна, вы всегда говорили о муже как о примерном семьянине. Интересно, а как Юрий Владимирович относился к детям?

Т.Н.: К разным по-разному. Грудных Юра не любил: они не представляли для него интереса. Но он очень любил возиться с детьми, когда они начинали соображать. Юра рассказывал им истории, рисовал с ними. Он был очень талантливым человеком: и стихи писал, и музыку, которую потом крали другие композиторы и выдавали за свою.

— А Максима он в младенчестве тоже не любил?

Т.Н.: Любил, конечно, он же его сын. Но публично свою любовь муж никогда не проявлял. Когда я рожала, Юри не было в Москве. Но он честно делил со мной все трудности младенческого возраста Макса. Когда сын не спал по ночам или рано просыпался, Юра всегда был готов помочь. У нас с ним было посменное дежурство. Хотя, конечно, много помогала и моя мама. Она практически и воспитала Макса.

— Вы были молодой, успешной парой. Почему же остановились на одном ребенке?

Т.Н.: Работа.

— Но желание было?

Т.Н.: Мы думали... Я всегда была очень худенькой, поэтому в кино мне доставались роли мальчишек. А после родов я набрала почти двадцать килограммов, и скинуть их стоило очень больших трудов. Трудно было решиться на такой подвиг второй раз.

— Максим, как складывались ваши отношения с отцом? Вы его, наверное, боготворили...

М.Н.: Знаете, это сложный вопрос. Отец был влиятельным человеком и многим помогал. Он мог выбить московскую квартиру или прописку для совершенно малознакомого человека. Но я был последним, для кого он что-либо делал. Сначала меня это обижало, потом привык. Не думаю, что он меня не любил, просто всегда был кто-то, кто больше нуждался в его заботе, нежели его родной сын. Во всяком случае, моему отцу именно так и казалось.

— Значит, отец вам никак не помогал... А знаменитая фамилия? Ей вы пользовались?

М.Н.: Да уж... Фамилия помогала, и немало. В

Сегодня любимому клоуну страны и одному из самых знаменитых актеров Юрию Никулину исполнилось бы 85. Уже почти десять лет мы живем без него. Смешной на манеже, комичный на экране... А каким же он был в жизни?

Этот материал мы подготовили задолго до памятной даты. Вдова Юрия Владимировича Татьяна Николаевна и сын Максим рассказывают «МК» о неизвестном Никулине.

Максим НИКУЛИН:
«Отец помогал всем...
Кроме меня!»

основном, конечно, она действовала на ГАИ. Я раньше часто нарушал правила, особенно любил скорость превышать, но гаишники меня отпускали. Смотрели на права, видели «Никулин», спрашивали: «Сын? Ну ладно, поезжай».

Татьяна: «Юрины анекдоты порой выводили меня из себя»

— Максим, вашим первым опытом в кино стал фильм Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука». Но больше вы в кино не снимались. Не понравилось?

М.Н.: Честно говоря, я никогда не хотел быть артистом. Тем более вся моя роль в «Бриллиантовой руке» заключалась в том, что десять дублей подряд Андрей Миронов бил меня ногой по заднице! Радости особой мне это, скажем прямо, не доставляло. На этот эпизод Гайдай взял меня без какого-либо кастинга, без проб. Просто я постоянно болтался у него под ногами... Единственное, что привлекало меня на съемках, это атмосфера, великолепный актерский состав и, конечно же, сам Леонид Иоович. Он был потрясающим человеком. Я не знаю других режиссеров, которые бы творили двадцать четыре часа в сутки! Я не преувеличиваю. Гайдай с отцом соби-

ДЕТСТВО В ТЕНИ СЛАВЫ

рались по вечерам за бокальчиком-другим... и переписывали сцены на следующий день. Получалось практически новое произведение!

— И часто они с Гайдаем так «переписывались»?

М.Н.: Да они постоянно у нас собирались! Помню, был у нас злобный спаниель по кличке Лорд, который перекусал практически всю семью. Не трогал он только отца и Леонида Иоовича. Когда Гайдай сильно выпивал, он залезал к Лорду под стол и выволакивал его оттуда за лапы... Однажды Гайдай залез в клетку с медведем. Произошло это на Кавказе, в ресторане «Медвежий угол», во время съемок «Кавказской пленницы». Местные жители решили пригласить съемочную группу в лучшее «горское» заведение. Там совсем нетрезвый Гайдай взял шампур с шашлыком, пошел в клетку к медведю... и, тыкая в него шампуром с криками «Жри давай!», попытался накормить зверя. Стоит ли говорить, что все враз протрезвели. Самое удивительное, что медведь не

Юрий и Татьяна Никулины вместе и в печали и в радости.

то что не покусал режиссера, а наоборот, струсив, забился в угол.

— Родители часто собирались у вас дома с друзьями?

М.Н.: Когда родители бывали в Москве, дома постоянно толпились какие-то люди. Мы тогда жили в коммуналке, так что приходилось ютиться в одной комнате. К нам приходили Рубанский, Евтушенко, Баталов. Однажды ночью к нам зашли отец, Евтушенко и еще один их приятель. Все трое — в ноль. Шум подняли страшный. В тот вечер газета «Правда» впервые опубликовала стихи Евтушенко — сие означало, что страна наконец признала его поэтом... Вот такие посиделки случались в нашей коммуналке. Потом, слава богу, мы переехали в дом на Большой Бронной, который строился для творческой интеллигенции. Соседи были прекрасные — Плутчик, Рихтер, который занимал сразу две квартиры... У Рихтера была даже специальная звукоизоляция, чтоб не мешать соседям, когда он репетировал. А в соседней с ним квартире жил Владиславлев, тогда ректор Губкинского института, и его жена Карина Лисициан. Она все рассказывала, как слушает Рихтера, сидя в туалете, где была смежная вентиляция. А Плутчик все время менял унитазы, которые у него по чьему-то лопались.

— Татьяна Николаевна, и как вы реагировали на загулы супруга?

Т.Н.: Спокойно. А почему нет? Да, друзья собирались у нас часто, но достаточно узким кругом. Сидели мы шумно, долго... Юре нравилось проводить время с теми, кто ему близок, кого он понимал. Он очень любил пить и рассказывать анекдоты, а для этого не нужна большая аудитория.

— Я запомнила Никулина как очень жизнерадостного и активного человека. Будучи уже немолодым, он постоянно участвовал во всевозможных шоу, передачах, концертах. Домашние посиделки тоже продолжались до последнего?

Т.Н.: Нет. В какой-то момент я поняла, что Юра стал уставать. Ему было нелегко. Он старался со всеми быть приветливым, открытым, старался шутить. У него в офисе постоянно были люди, Юра никогда никому не отказывал. Но я-то знаю, что где-то в середине рабочего дня он тихонечко уединялся в кабинете, чтобы поспать пару часов. Мы перестали собираться дома с друзьями, потому что все мы были уже пожилыми людьми и жили в разных концах Москвы. Трудно стало друг до друга добираться. Сил не оставалось, даже чтоб вдвоем с Юрой по улице прогуляться, какие уж там посиделки...

— Даже играя в серьезных, не комедийных фильмах, Юрий Владимирович все равно не терял своего образа «грустного клоуна». Он и дома не выходил из этого образа?

М.Н.: У отца это клоуновство было врожденным. Он никогда не менял стиля поведения, говорил одним языком и с министром, и с танкистом, и с дворником. Эта искренность чувствовалась и подкупала людей...

Т.Н.: В детстве с Никулиным произошел один случай. Юра рассказывал: «Я помню, отец повел меня в цирк. После представления мы зашли в буфет, где в тот момент ужинал клоун. Я встал рядом, ожидая, чего же такого интересного он сделает. Клоун ничего не делал, а только жевал свою сосиску. Но я почему-то все равно стал смеяться. Клоун посмотрел на меня и гаркнул: «Иди отсюда!»». Расстроенный, я подошел к отцу. Отец сказал мне: «Он сейчас не клоун, а человек, уставший после работы». Тот случай сильно повлиял на Юру. Даже если он безумно уставал, он старался не забывать, что он клоун и люди ждут от него улыбки.

— Сознайтесь, вы не уставали от этой непрекращающейся клоунады? Я думаю, что, приходя домой после работы, вы прежде всего хотели найти там любящего мужа, а не ходячий сборник анекдотов?

Т.Н.: Не могу сказать, чтоб я особо от этого уставала. Хотя, конечно, его анекдоты иногда выводили меня из себя: нелегко по двадцать пять раз на дню выслушивать одну и ту же шутку и стараться над ней смеяться. Юра был очень коммуникабельным. Люди тянулись к нему, а он, в свою очередь, не мог без общения. Когда в отпуск или на праздники мы уезжали на дачу, то уже на третий день Юра начинал томиться: без конца звонил по телефону. А на четвертый день он просто не выдерживал и уезжал в цирк. Больше всего на свете Юра не любил оставаться один. Я бы даже сказала... он катастрофически боялся одиночества.

— Юрий Владимирович был и остается народным артистом. Как говорил в свое время Радзинский, «его любили даже эскимосы». Но имела ли эта любовь, как сейчас принято говорить, фанатичный характер?

Т.Н.: Фанатизма не было. Его просто любили...

— А как насчет женщин? Поклонницы в подъезде караулили?

Т.Н.: А у него их не было. Я думаю, причиной тому — его роли. Он ведь всегда был клоуном, а не секс-символом.

Максим: «Я в цирк попал случайно»

— Максим, насколько мне известно, вы по образованию журналист. Но по специальности не работаете. Что-то не заладилось?

М.Н.: Когда я заканчивал школу не знал, куда поступать, и один знакомый посоветовал: «Если не знаешь, куда идти, иди на журфак». Потом я стал работать по специальности, и мне понравилось. Начиная я в «МК» — два года отработал корреспондентом. Потом меня сократили, и я ушел на радио «Маяк», на должность младшего редактора отдела экономической информации. Потом я был комментатором на Первом канале. Но меня отстранили от работы на телевидении за то, что во время операции «Буря в пустыне» я привел на эфир арабского журналиста.

— Как же вы оказались на должности директора «папиного» цирка?

М.Н.: Случайно. Тогда случилась трагедия: убили замдиректора цирка Михаила Седова. Я предложил отцу помощь. Сначала работал на волонтерских началах, без оклада. Потом, когда потерял работу на ТВ, остался в цирке на постоянной основе.

Р. С. — Каким вы запомнили Юрия Владимировича?

Т.Н.: Юра сидит на даче; голый по пояс; в подтяжках... и раскладывает пасьянс. Это было его любимым занятием, особенно в последние годы жизни...

Алина КЕШОКОВА.